

Алексей ПШАНСКИЙ

КРЕПИСЬ, СУВОРОВ!

*Ты, гордый Лев, судьбы избранник,
наш полстолетний юбиляр,
румян и свеж, как тульский пряник,
блестящ, как тульский самовар,
в общении прост, в делах серьезен,
любой компании душа,
в искусстве столь же виртуозен,
как тульский блохокуй Левша...*

*Но для такого человека
что там какие-то полвека? -
Не возраст: просто юбилей.
Крепись, Суворов! Не болей!
Пусть беды, хвори и напасти
не повредят твоей судьбе;
огромной, львиной доли счастья,
как Льву, желаем мы тебе!
Живи красиво, долго, броско,
богатой жизнью, не пустой,
как жил твой знаменитый тезка,
помещик тульский граф Толстой!*

Эту шуточную поздравительную оду 10 лет назад на гастролях в Ивано-Франковске перед лицом и от лица труппы зачитала заслуженная артистка России Л.М.Колликова, а "полстолетний юбиляр" Лев СУВОРОВ стоял на ивано-франковской сцене, принимал поздравления и "чванился".

Прошло 10 лет, сегодня ему уже шестьдесят, и хотя годы, наверное, свое берут - существенно он не изменился: все так же высок, слегка сутуловат и убелен благородными сединами, так же добродушен и приветлив. Если вы бываете в театре, то наверняка его видели и запомнили, ибо редкий спектакль обходится без его участия, и вообще актер он запоминающийся. Из сорока лет работы на сцене двадцать (с небольшим перерывом) отданы Новгороду, так что знать его должно не одно зрительское поколение.

Сильный тульский акцент "юбилейной оды" не случаен: Лев Васильевич - страстный патриот своего родного города, часто о нем рассказывает, а на праздничных застольях, когда душа уже песни запросит, непременно запекает дуэтом с другим нашим туляком, Сашей Аравушкиным: "Тула веками оружие ковала..."

- В то время, когда я родился, у нас в Туле новорожденных мальчиков буквально через одного Львами нарекали - в честь самого нашего знаменитого земляка, Льва Николаевича.

А ведь какую родители возможность упустили: при такой фамилии и отчестве достаточно было просто назвать его Александром, и был бы наш актер полным тезкой графа Рымникского. Но имя Лев ему действительно как-то идет: и внешность "светского льва", и мощный красивый голос, слышимый с любого места зрительного зала, да и по гороскопу он Лев. Вот ведь как бывает: сам - Лев, а любимая его роль - Гусь. Недавно режиссер О.А.Соловьев, постановщик нашей "Зойкиной квартиры", признался, что сколько он ни пересмотрел и сам ни пе-

• сцена из спектакля "ЗОЙКИНА КВАРТИРА"

реставил "Зойкиных квартир" - все-таки лучшим Гусем Багажным был наш Лев Суворов.

Итак, 60 лет назад он родился в городе Туле и наречен был Львом. Детство его пришлось на войну, пережитую в городе-герое, отрочество и юность - на театр.

- Мой отец, Василий Васильевич, почти никогда не играл больших ролей, но он был блестящим актером эпизода, одним из лучших, которых я видел, - вспоминает Суворов. - С малых лет, сколько себя помню, я был в театре; за кулисы нас, театральных детей, во время спектакля не очень пускали, но зато из осветительной ложи я пересмотрел за те годы все - и весь тульский репертуар, и всех гастролеров.

Так, надышавшись густой и крайне "заразной" атмосферой кулис и гримерок, наш Лев Васильевич приобрел главную болезнь своей жизни - театр. В ту пору он, конечно, этого еще ясно не сознавал, тогда были и другие увлечения: к примеру, одноклассник Славка (ныне - популярный киноактер, артист МХАТа Вячеслав Невинный) увлек его дворовым хоккеем; вот так они вдвоем и гоняли банку по льду, покуда того не оставили на второй год (Невинного, конечно же, - наш-то Суворов окончил школу с золотой медалью!). Еще любил рисовать. Вообще, все, что связано с рисованием, черчением, каллиграфией, у него как-то всегда получалось. Очевидно, эта склонность к черчению и толкнула его на похвальный, но ошибочный шаг: по окончании школы он с успехом сдает экзамены и поступает в Московский автодорожный институт, откуда вскоре переводится в Тульский политехнический. Но природа все-таки свое берет: не доучившись до конца третьего курса, он (уже окончательно) порывает с точными науками и уходит работать во вспомогательный состав тульского ТЮЗа. В предельно короткие сроки талантливого юношу переводят в основной актерский состав, и уже в первые три месяца рабо-

ты он получает первую в своей жизни значительную роль - Яна Двали в "Чудесном сплаве" Киршона. Все это время добрейший Василий Васильевич играл свои эпизоды в соседнем театре и пребывал в приятном заблуждении относительно инженерных перспектив своего сына, наивно полагая, что тот в поте лица получает политехническое образование. Но после премьеры "Чудесного сплава" в газете появилась рецензия, автор которой очень тепло отозвался о молодом актере Суворове, тайное стало явным, сыновний обман обнаружился, и отец вознегодовал. А надо заметить, что подавляющее большинство актеров отнюдь не желает своим детям идти по родительским стопам и частенько даже активно этому противится, стремясь, очевидно, оградить их от вечного безденежья, неустроенности быта, зависимости от всех и вся и прочих негативных сторон профессии. Василий Васильевич исключением не был, на обманувшего родительские надежды сына обиделся и "Чудесный сплав" этот даже смотреть не пошел. Но потом все же оттаял (а может, смирился), сходил в ТЮЗ, посмотрел и по возвращении домой благословил сына на служение Театру скупой фразой: "Имеешь право".

В первом своем театре - в тульском ТЮЗе - проработал наш Лев Васильевич менее трех лет. За это время он успел поучиться на заочном отделении ГИТИСа, но бросил его, предпочтя обучение актерскому ремеслу непосредственно в театре. Потом пришла пора разъездов, - творческая география Суворова расширялась. Следует вспомнить, что в те благословенные доперестроечные времена, когда театры имели возможность дать какое-то жилье, когда творческие коллективы были на обеспечении государства, а денег на проезд хватало даже актерам, по театрам страны (особенно провинциальным) шла активнейшая актерская миграция. Труппы ежесезонно обновлялись за счет вновь пришедших актеров (взамен ушедших), была возможность искать "свою" режиссуру, "свой" театр, "свой" город.

Сейчас, когда театры (как и почти все в стране) на ладан дышат, когда все мы зубами держимся за квартиру и еще пока получаемую зарплату, и даже гастроли преимущественно ограничиваются пределами области, о тех временах можно лишь повздыхать. Но тогда меняли театры часто, особенно молодежь. Вторым театром 24-летнего актера Суворова стал драматический театр имени Тургенева. В Орле он окреп как в плане творческом, что видно по сыгранным ролям (Федор в "Барабанщице" Салынского, одна из наиболее удачных работ - Заварин в "Неравном бою" Розова, Беляев в "Месяце в деревне" Тургенева), так и в смысле гражданского состояния, т.е. впервые вступил в брак. Еще через два года его пригласила работать в Таллинский русский драматический театр главреж этого театра Наталья Николаевна Паркалаб. Суворов и по сей день считает ее лучшим режиссером из всех, с кем ему довелось работать. Еще через

пару лет, сыграв в Таллине главную роль в "...Вадиме Шелестове" Медынского, Каплина в "Голубой рапсодии" Погодина и еще много чего и поссорившись с до сих пор чтимым режиссером Н.Н.Паркалаб (и такое бывает!), Лев Васильевич переключивается в другую республиканскую столицу - Минск, куда его пригласили во время гастролей.

Минск он любит и доньше - это все мы поняли, когда лет семь назад были там на гастролях. Он водил нас по городу, показывал свои любимые места, много рассказывал. Еще бы: огромный город со множеством театров, с мощной театральной общественностью, в котором на сдачи спектаклей ходили не только коллеги из других театров, но также артисты цирка, журналисты и даже футбольные команды, принял и признал его сразу, с первой же роли. Это даже не роль была, а небольшой эпизод в "Ленинградском проспекте" Штока; но буквально на следующий день после премьеры в газете "Литература и искусство" вышла большая статья, в которой пелись дифирамбы новому артисту, и работу его оценили как "блискучы дзебют" (т.е. "блистательный дебют").

"Проснулся знаменитым", - вспоминает Лев Васильевич. Потом в том же "Ленинградском проспекте" была сыграна большая роль - Борис, потом - Умберто в "Филумене Мортурано", Эрос в "Антонии и Клеопатре"... Минск навсегда оставил след в его памяти. До сих пор Суворов, коренной туляк, нет-нет да завернет что-нибудь по-белорусски.

К тому времени отец его, Василий Васильевич, вышел на пенсию, жил один, частенько болел, и "блудный сын" Лев почел за благо вернуться туда, где начиналась его творческая биография, - в тульский ТЮЗ. Но это был уже не тот 20-летний Лева, принятый во вспомогательный состав театра, - вернулся он зрелым 30-летним актером с изрядным опытом и хорошим репертуаром. Большие, серьезные роли перестали уже быть неожиданным подарком судьбы (как в случае с "Чудесным сплавом"), а стали явлением нормальным,

• Лев Васильевич СУВОРОВ

обычным, соответствующим его положению в театре. Самая памятная для него работа "второго тульского периода" - спектакль "Гайавата", где он сыграл главную роль. Поскольку эту вещь немислимо перевести в обычную "диаложную" пьесу, не разрушив при этом чудесную поэзию Лонгфелло и Бунина, решался спектакль средствами преимущественно литературными и пластическими. В качестве постановщика пластических номеров, которые шли через весь спектакль, приглашен был бывший солист Большого театра, после травмы ноги оставивший сцену, Ной Иванович Авалиани. Все мы помним его по "Кавказской пленнице", где он произносит знаменитый тост про птичку, которую потом стало жалко Шурику.

- Лев Васильевич, и вы играли главную роль в пластическом, почти балетном спектакле?

- Представь себе. Ты ведь знаешь: пластика, танец - не самые мои сильные средства выражения.

И тем не менее работа была удачной, и заслуга в том на 90 процентов Ноя Ивановича. Он по три часа гонял меня по сцене, а как только наступал короткий перерыв - сразу: "Не сидеть! Не курить!" Он вытаскивал из меня то, с чем я даже не подозревал, добивался полной отдачи. И добился. Вообще - интересный был спектакль: музыку привезли из Америки, что-то уходящее корнями в народные индейские напевы; художница была замечательная, и, кстати, звали ее Инна Чурикова (не та, разумеется)...

К слову сказать: жизнь актера Суворова, благодаря частой смене театров, интересным гастролям, работе на съемочной площадке, весьма богата встречами с замечательными людьми. Ему посчастливилось общаться с Шульженко, Раневской, Высоцким, Андреем Поповым, Марецкой, Далем.

- Серьезной работы в кино у меня никогда не было, да я к ней, честно говоря, и не стремился. Но подработки на съемках позволили мне встретиться с людьми, чьи имена стали потом легендой. И не только на съемках. С Клавдией Ивановной Шульженко, например, я совершенно случайно познакомился в гостиничном буфете в Тарту. При всей своей необыкновенной популярности она оказалась на редкость простым и душевным человеком...

Тридцати шести лет от роду Лев Васильевич становится актером русского театра города Йошкар-Ола, где работает около четырех лет, и работает весьма успешно: Теодоро в "Собаке на сене", Хельмер в "Норе" Ибсена, одна из любимых ролей - Пальчиков в "Вечернем свете" Арбузова. И, наконец, в 1976 году, двадцать лет назад, судьба приводит его в наш славный древний Новгород.

Театр наш был тогда на подъеме. Молодой, буквально "со школьной скамьи" режиссер А.Л. Кошелев, возглавивший театр, сумел объединить труппу вокруг своих творческих проб и поисков, т.е. придать работе и отношениям характер единомыслия, что в театре очень важно и почти всегда продуктивно. Сорокалетний Суворов, голубоглазый, стройный герой-любовник с красивым голосом, органично и легко вошел в эту труппу. За два года он сыграл и Фарятева, и Мюнхгаузена, и Журналиста в "Остановите Малахова", и ввелся на роль Рюрика в "Вадиме Новгородском"... Кстати, о вводах: в шутку (но в этой шутке есть очень большая доля правды) Суворова внутри коллектива называют "мастером ввода". А ввод в спектакль - дело непростое и довольно нервное. Когда из идущего спектакля (по причине болезни или по какой-либо другой) выбывает один из исполнителей, на его место назначается другой исполнитель, вынужденный в минимальный срок выучить максимальное стопроцентное количество текста, освоить его и за несколько репетиций войти в уже готовый спектакль так, как будто работал над ним вместе со всеми месяц или два. Бывает еще "срочный ввод", т.е. ввод с одной репетиции - это как срочная телеграмма: то же, что и простая, только по времени быстрее, а по затратам дороже. Лев Васильевич этим искусством вполне владеет: легко и быстро учит текст (даже такой неудобопроизносимый, как текст Княжнина в "Вадиме Новгородском") и умеет органично "вплестись" в ткань давно уже идущего и без его участия созданного спектакля. Последний из его крупных вводов - Потемкин в "Фаворите" (а это полпьесы текста!).

Роковой, как говорят, рубеж - 42 года - Суворов преодолел чудом. Беда пришла летом, в Питере, во время отпуска, как всегда неожиданно. Сам он помнит это, как сплошной бред с короткими проблесками сознания: больничная палата, суетящиеся незнакомые люди, жар (температура зашкаливала за 40 градусов), нешевелиющиеся, бесчувственные ноги, белые халаты, снова бред... В беспомощности он был всего несколько дней, но казались они месяцами.

- Однажды почувствовал: зашевелились пальцы ноги - выкарабкался! Открываю глаза - надо мной стоит человек в белом халате (до сих пор помню и его лицо, и его имя - Феликс Соломонович Теплицкий), смотрит на меня и произносит восхитительные слова: "Жить будем".

Лев Суворов выжил и через три месяца вышел из больницы, и даже на своих ногах (правда, с палочкой). Потом и палочку отбросил, и даже бегал, но тем не менее без малого два года работать не мог, сидел на инвалидности. И вот весной 1980 года, преодолев и болезнь, и инвалидность, артист Суворов возвращается в Новгородский театр драмы, в коем благополучно пребывает и по сей день. Пришли мы с ним в театр одновременно, чуть ли ни в один день: он - из вынужденного двухлетнего отпуска, я - сразу после окончания училища. Тут мы и познакомились, и многое из вышеизложенного он поведал мне еще тогда.

Перечень городов, театров, ролей - вот, казалось бы, и вся биография артиста. Верно, только в эти роли вкладывается душа, этим театрам подчинен весь уклад жизни. Женат был Суворов трижды, столько же раз разведен.

- Лев Васильевич, может, вам с женами просто не везло?

- Не могу сказать, что не везло. Очень мешала профессия: все они были далеки от театра, особенностей актерской жизни (гастроли, вечерняя работа и т.д.) не знали и не понимали, но, в общем, со всем этим мирились. Точнее было бы сказать - мне не везло с тещами: причиной по крайней мере двух моих разводов были именно тещи.

- А ваш идеал женщины?..

- Терехова, из западных - Анита Эгберг.

И все же есть на белом свете женщина, преданная ему бесконечно, женщина, по отношению к которой он проявляет такую трогательную заботу и предупредительность, какими вряд ли одаривал когда-нибудь любую из трех жен, - Инна Васильевна Суворова, родная его сестра. Они почти не расстаются: отпуск Лев Васильевич проводит у нее в Туле, большую часть сезона она живет в Новгороде. В театре она давно уже свой человек, посещает все премьеры; мнением ее Суворов дорожит, как ничьим. Когда Инна Васильевна в зале, он волнуется, потеет, и работает так, будто играет на пару десятков столичных критиков. И когда говорит о ней в третьем лице, величает ее исключительно Инна Васильевна.

- Хотя мы с ней очень разные, - утверждает любящий брат. - Единственное сходство - оба когда-то были отличниками.

- И она видела ваши работы не только в Новгороде?

- Она видела все, что я играл, - просто ездила по городам, где я работал, и смотрела.

- А какие свои роли вы считаете наиболее удавшимися?

- *Гусь Багажный* в "Зойкиной квартире" и *Пальчиков* в "Вечернем свете".

- *А неосуществленные мечты есть?*

- *Конечно. Зилев* в "Утиной охоте" *Вампилова*, - но это уже "проехало". Но еще возможны *Фамусов* и *Городничий*. Как ни странно, никогда не мечтал сыграть *Гамлета*...

А мне лично жаль, что Суворов не сыграл Степана Трофимовича Верховенского в "Бесах", хотя возможность такая была. Я не знаю артиста (не только в нашем театре, но и вообще), который более него подходил бы на эту роль...

- *Лев Васильевич, а ваш идеал актера?..*

- *Борис Ливанов. До сего дня помню его Забелина* в "Кремлевских курантах"; а вот *Ленина* там - даже не помню, кто играл.

- *А любимый режиссер?*

- *Феллини, Тарковский, на сегодняшний день - Никита Михалков. А из театральных - конечно же, Товстоногов. В его театре пересмотрел порядка сорока спектаклей.*

Детское увлечение футболом, хоккеем и т.д. в нем сохранилось, хотя и в несколько измененном виде: теперь Суворов - профессиональный болельщик, бесспорный знаток всех команд, олимпиад, короче говоря - ходячая турнирная таблица (точнее, сборник турнирных таблиц). Когда в таллинском театре проводили викторину, посвященную чемпионату мира по футболу, он был абсолютным победителем, занял первое место и получил первый приз - 30 рублей (деньги по тем временам ощутимые). Кроме того, Лев Васильевич прекрасно ориентируется в истории кино, знает множество имен, о которых разве что специалисты-киноведы слыхали, не пропускает ни одного стоящего фильма, и, думаю, случись какая-нибудь викторина на эту тему - тоже бы первое место занял. Любит путешествовать, о чем говорят уже маршруты его бурной актерской молодости, да и так просто ездить по новым местам любит, без всякой производственной необходимости.

И все же главное в его жизни - театр. Нет, даже не главное в жизни: театр - это сама его жизнь. Есть такая категория актеров, для которых в мире есть только театр - и все, и никакой альтернативы, которые живут исключительно проблемами и эмоциями своего театра, болеют его болезнями, гордятся его победами, приходят в отчаяние от его неудач. Как правило, такие люди очень ранимы и беззащитны, ибо спрятаться им не за что, так как кроме театра у них ничего нет. Однажды по чьей-то оплошности имя Суворова не напечатали в программке спектакля, в котором он играл далеко не последнюю роль, - он расстроился тогда только что не до слез (не столько за себя, сколько за свой театр, в котором подобное стало допустимо); когда в Чебоксарах у него украли кошелек со всеми отпускными, он, помнится, куда меньше огорчился.

Не представляю себе Суворова вне театра - не то что на другой работе, а даже на заслуженном отдыхе. Меня всегда поражало в нем одно удивительное качество: будучи ведущим актером театра, пребывая в солидном уже возрасте, он никогда не занимался всерьез обустройством своей обыденной жизни, никогда не бряцал своим стажем, инвалидным удостоверением или заслугами перед искусством, требуя прибавок к зарплате, квартир, почетных званий и прочих земных благ. С легкостью, ничего не требуя и ни на кого не обижаясь, переносил он и неустроенность быта, и отсутствие почестей (которые давно уже заслужил), до 55 лет ютился в общежитии. Это удивительное в его возрасте красивое пренебрежение ко всему, что не касается непосредственно Театра, которому он служит всю свою жизнь, - отнюдь не хронический инфантилизм, нет: это - высокое, рыцарское, бескорыстное отношение к Театру, которое, к сожалению, так редко встречается. И прав был покойный Василий Васильевич: Суворов имеет право называться Артистом. И не только потому, что хороший артист.